

Непасхальная радость

Быть главврачом трудно. Во-первых, приходится руководить людьми, а это неприятно, особенно человеку с душой и особенно в районной больнице, где выбирать не из кого. Во-вторых, в больнице происходит всякое: больные поджигают окурками матрасы, выпрыгивают из окон, воруют у медсестер, пишут жалобы, умирают. Течет крыша, забиваются трубы, отключается свет. В-третьих, правила игры меняются, надо приспособливаться так, чтобы сотрудники и больные поменьше страдали — и от ухудшений, и от улучшений. В-четвертых, приходится иметь дело с начальством и всевозможными пожарниками, санэпиднадзором и госнаркконтролем. За всем надо не забывать о содержании: руководя больницей как предприятием, помнить, что она — не только предприятие, не только хозяйствующий субъект.

Наш главврач — женщина пятидесяти шести лет — хочет перемен к лучшему, и не одних лишь казенных. От этого с ней случаются неприятности, одна из которых недавно привлекла внимание всей России. Мы, три врача и несколько благоустроителей больницы, пытались помочь — ей и себе. Как участнику событий мне надлежит рассказать, что было.

I

В високосную пятницу, 29 февраля, мы открыли кардиологическое отделение (новое, на несколько районов), а уже на следующий рабочий день, в понедельник, Главврача уволили без объявления причин. На утреннюю конференцию пришел похмельный заместитель Городничего и зачитал приказ. В газетах, по радио, телевидению и в Интернете начался шум — наши друзья подняли его, дальше он поддерживал себя сам. Во вторник мы получили милицейское предписание выдать копии денежных документов — так мы узнали о совершенном нами мошенничестве в особо крупных размерах. Страхи по поводу уголовного дела скоро рассеялись: присланная нам бумага оказалась поддельной. Решающую роль сыграла Правительственная газета: на четверг мне назначили встречу со Значительным лицом. Не переодеваясь в женское платье, я отправился в Москву — на предоставленном Благодетелем броневичке.

В подробностях я наш разговор со Значительным лицом описывать не буду, скажу только, что положение кардиолога из районной больницы (ниже по профессиональной лестнице спускаться некуда) оказалось чрезвычайно выигрышным. Я рассказал о Главвраче: честная (оттого и не постеснялась построить себе большой дом, продала все, что было) и, главное, — отождествляет себя с врачами, а не с начальством — ведь такого-то мы спасли! Результаты известны: Городничему «предложено уйти в отставку», профессиональные судьбы его

и Главврача решит районное собрание депутатов — ни одно Значительное лицо не может снять демократически избранного Городничего.

Была бурная неделя, даже не неделя — четыре дня, телефон звонил непрерывно, легче становилось только ночью, и от владевшей нами *прелести бешенства* (победить! и не спрашивайте «чтобы что?») забывалась самая цель затеи — больные. «Теперь вы лучше понимаете чиновников, у них постоянно так, им поэтому — не до людей», — сказал Благодетель. Похожая лихорадка бывает между смертью и похоронами — когда за два-три дня проживаешь много больше обычного. Люди приходят, выражают сочувствие, это нужно, один едет за справкой о смерти, другая готовит кутью.

Сочувствие выражается по-разному, но, даже сочувствие нездоровое лучше здорового его отсутствия, так что спасибо, большое спасибо всем, включая С. Некогда я считал его другом, мы не виделись восемь лет. С. преуспел, но иногда выпивает и пишет мне чувствительные письма с цитатами из Витгенштейна и Экзюпери. Это письмо я получил утром в среду 5 марта: *Я с грустью и болью в сердце наблюдаю за происходящим. Очень хотелось бы тебе помочь: посмотреть на события совершенно с иной точки зрения... Просто набери мой номер. Это будет большой твоей победой (в метафизическом смысле). Если же для тебя это пока невозможно, прими в подарок этот узор: он принесет тебе удачу, если будешь поглядывать на него хоть изредка. Последние три года я, почти полностью отошедши от дел, занимаюсь составлением узоров. Обнимаю, — и подпись.* В прилагаемом файле — узор (полосы, звезды), симпатичный. Коллега — я предложил ему поставить диагноз — отверг психическое расстройство: «Тут какая-то духовная хворь».

«What a mess!» (какой бардак!) — пишет с восторгом мой американский соавтор, он прочел о нас в «Вашингтон пост». Соавтор давно не выходил на связь: он должен отредактировать и дописать главы для американского издания нашей книги и совсем пропал (подобное поведение я наблюдал только со стороны покойников), а тут — объявился.

Поступают и неожиданные предложения. Пишет мне бывший московский сосед, биолог и хозяин магазинчика, теперь, как оказалось, живущий на Сахалине: *Вы рано или поздно признаете тщету своих усилий и отправитесь лечить эфиопов или филиппинцев — они будут куда благодарнее за то, что Вы для них сделаете. Я подолгу жил в обеих странах, они населены замечательными людьми.*

«Непасхальная радость» — слово возникло почти сразу — не радость встречи или обретения дара, прикосновения к высшему. То же, вероятно, чувствовал Наполеон при вступлении в пустую Москву. Отсутствие сопротивления материала: «как нож в масло», даже не в сливочное — в подсолнечное. Рука, наносящая удар или протянутая для рукопожатия, остается висеть в пустоте.

В пятницу, на следующий день после разговора со Значительным лицом, после отъезда журналистов и прекращения звонков, пустота стала пугающей. Никто не принес нам ключей от кабинета Главврача. Сотрудницам раздали черно-белые копии поздравительных открыток (с Восьмым марта) за подписью Городничего, поздравитель отъехал в неизвестном направлении. Официальных объявлений об отставках не последовало («Звоните после праздников»), стало ясно, что братья меч не отдадут, а объявят меня сумасшедшим и принудительно госпитализируют — в «Бушмановку», областную психиатрическую больни-

цу: у доктора приступ шизофрении или чего там еще, разберутся. В этом состоянии он встречается с президентами и с министрами, созывает журналистов, снимает чиновников.

Но вот удалось получить факс (с трудом — 7 марта, короткий рабочий день) — ответ Правительственной газете, и опять стало неплохо, в «Бушмановку» не увезут. Наступило настоящее — пугающая пустота — то, в чем мы живем сейчас.

Пустота материализуется, и из нее выступают фигуры: несколько деловых людей, очень средних (как большинство убийц), и духовный вождь нашего города, конфидентка Городничего, мы с нею уже сталкивались. Она владеет несколькими заведениями в городе, на полках у нее вероучительные книги соседствуют с «Бухгалтерским учетом» и «Законом о местном самоуправлении». Конфидентка пережила очень большие несчастья, у нее приятные манеры, ангельский голос, она активно пользуется духовной феней: наша история ее «искушает», «мешает смиряться». «Бога вы не боитесь», — говорю я ей. И правда, не боится, считает Его обязанным себе за мучения — за прочитывание духовной литературы, выстаивание часами в церкви, соблюдение постов. Запас зла в Конфидентке поразителен. Именно она придумала про то, что мы ставим опыты на людях, используем запрещенные препараты и репетируем оранжевую революцию («читала про технологии»). Помогли и журналисты. Наши недруги, вероятно, не помнят «Бесов», если и читали, а журналисты помнят: молодые люди явились в тихий провинциальный город, чтобы его взорвать. Тут и благодетельные балы, и начальственные дамы, и фанфарон-литератор, и даже аристократ — наш Благодетель («Аристократ, когда идет в демократию, обаятелен»).

О нас говорят по телевизору: палата — номер шесть, народ — безмолвствует, суд — Басманный. Проще пройти мимо интересного: Главврач уже дважды судилась с Городничим и оба раза выиграла, местные жители написали письмо и собирают под ним подписи. Такая вот партийная пресса — в нашем случае много хуже Правительственной газеты. Нас сравнивают то с Соросом, то с ЮКО-Сом — какой материал для нападок! Об этом есть в «Иване Денисовиче»: «Но уже после войны английский адмирал, черт его дернул, прислал мне памятный подарок. „В знак благодарности“. Удивляюсь и проклиная!..»

Известно: если миллион обезьянок посадить за пишущие машинки, у одной из них когда-нибудь получится шедевр. У обезьянок есть преимущество: они нажимают на клавиши случайным образом. «Что же, мне *во всем* разбираться?!» — трагически восклицает девушка-журналист. Ну да, если собираешься писать *обо всем*. Некоторые издания предлагали нам все изложить самим: «У вас хороший слог», — очень необходимо для того, кто предлагает, как «Ты высокий, поменяй лампочку». Мы всякий раз отказывались, не из фанаберии — не было сил.

Много глупостей сказано про то, что с нами происходит, хотя дело-то простое. Мы сражаемся не с «силами зла», с «чиновничьим произволом» и тому подобное — только с теми, кто нам мешает работать. За что мы боремся? — за восстановление на работе Главврача. Она дает нам делать то, чего нам хочется — лечить больных. Нет тут политики и почти что нет экономики. Есть начальство: им нельзя говорить «нет», а она сказала. Почему они как будто бы

не бояться? — а они боятся, очень боятся, но борются за то же, за что и мы: за право жить своей жизнью. Полем битвы стала больница, это их Бородино — деревенька, ничего не значащая ни для кого, кроме нас, обитателей этого самого Бородина.

Список тех, кто высказался в нашу поддержку в Интернете, начинается так: *Абрамова, Аверкиев, Авилова, Азарова, Айзенберг, Акимова, Акулова, Албаут, Алдашин, Алексеев, Альтова, Амелина, Андреев...* Из Чехова, Москвы, Лиссабона, Вашингтона, Курска, Санкт-Петербурга, Беэр-Шевы — инженеры, врачи, учителя, предприниматели, студенты, ученые, пенсионеры, литераторы. Тысяча подписей. Подействовало ли — кто знает? Но очень утешило и вдохновило: как бы ты быстро ни бегал и мощно ни бил, болельщики помогают.

Кого эти люди защищают? Стоило ли поднимать такой шум, оттого что уволили тетку пенсионного возраста? Ответ дала мой друг, она преподает в РГГУ: «Я объясняю четыре породы глагола в иврите и знаю, что вы в это время смотрите больных. И кажется, мы занимается одним и тем же». Так что ответ простой: эти люди защищают *себя*. Конечно, бороться с воплощенной пустотой страшно, но здесь тот редкий случай, когда непременно надо победить. Пустота стремится поглотить нас, подчинить себе — как «деды» в армии, как «воры» в лагере, мы — салаги и фраера — обороняемся. Надо победить — от результата, именно результата, не от процесса, не от того, какими молодцами мы себя покажем, — будет зависеть дальнейшая жизнь.

Множество побочных тем, например такая: если удастся справиться, но с помощью большого-большого начальства, можно ли это считать победой? — конечно, да. Больница государственная, кому как не государству помочь ей? Спрашивают: а что же местные жители, ваши больные? Меня это не заботит: мы врачи, а не предводители армии больных. «Как отзываются на вашу деятельность простые люди?» — они стали меньше умирать. Ко мне подходит старушка, несколько месяцев назад мы отправляли ее на операцию в Москву, ей много лучше: «Я слышала, вас закрывают. Таблеточек дадите напоследок?» Все правильно: она маленькая, мы большие, кто кого должен защищать? Принимать лекарства и вести здоровый образ жизни — все, чего мы ждем от людей.

Коллеги-профессора нас тоже поддерживали, хотя некоторым это было делать неуютно. Они проводят много времени на заседаниях ученых советов, мы — нет, мы от этого и сбежали — за свободой и возможностью все устроить по своему разумению. Медицина всегда опиралась на авторитет, раньше и не было другого, а в математике, например, авторитет не важен. Ничего, медицина движется в ту же сторону.

Еще одна категория сочувствующих — «герои России». Один из них, и правда награжденный звездой героя, рывком открывает дверь в наш кабинет: «Мы им сейчас покажем! — Он выпил уже с утра. — Нагнем, наклоним, поставим». «Что это было?» — спрашивает Коллега. «Герой России. Бенья — король, не то, что мы: на носу очки, а в душе осень». Впрочем, и герои, и журналисты, и профессора — очень старались. Может показаться, что я не благодарен. Это не так.

II

Произошли новые события. 14 марта собрались районные депутаты. Председатель, не по-здешнему подтянутый и загорелый, предлагает компромисс: Городничему выговор, Главврача восстановить. Председатель и его жена — люди

хорошие, они и раньше заботились о больнице — собирали на нее деньги, соперничали. Но Председатель только что вернулся из Альп (горные лыжи), перелет, устал, смена часовых поясов, не поговорил с кем надо, и вот результат: из пятнадцати депутатов шестеро «за», остальные «против». Председатель твердит: «Мы слишком порядочные люди», за день он похудел на полтора килограмма.

Мужички за себя постояли. Откуда эта неуступчивость, когда сама попытка примирения рассматривается как слабость и служит сигналом к контратаке? Всего-то — выговор Городничему и вернуть Главврача, остались бы, в сущности, при своих. А Председатель — он давно не жил в реальном времени, в ситуации, которая меняется от того, что ты делаешь и говоришь.

Ощущение реального времени — когда вдруг обнаруживается, что продолженное прошедшее стало прошедшим совершенным, просто прошлым, в котором нечего исправить или изменить, — такое было при моей встрече со Значительным лицом или, например, при объяснении в любви Кити и Левина: дление прекращается, сообразительность надо проявлять именно сейчас, вот тут. Тот факт, что ты, вообще-то, сообразительный, знающий или там — порядочный, принадлежит прошлому, он повышает шансы поступить умно в настоящем, в том, что *есть*, но не гарантирует ничего.

Мы снова в проигрыше — уезжать или оставаться? Считай мы себя благодетелями рода человеческого, надо было бы остаться, до конца, чтобы после нашими именами назвали улицы, а так — мы свободны в решениях, мы всего лишь врачи, нам хотелось сделать себе условия работы получше, и почти вышло. Мы бредем писать письмо, и удивляемся, что нет ответа на старое, и говорим себе, что квант времени в средней полосе России — неделя. Какое-то совсем большое начальство нам поможет.

«С появлением того и сего, — пишем мы, — общая смертность в больнице снизилась вдвое, а от инфаркта миокарда — в шесть раз» — правда, хоть и навязло в зубах. Чем-то мы будем хвастаться через год, когда больные станут многочисленнее и тяжелее? А пока что, на время заварушки, они почти перестали болеть. Те же, кто есть, в свежотремонтированном помещении выглядят некстати: «Война пачкает мундиры и нарушает строй». Нужны усилия, чтобы сделать людей уместными в этом великолепии плитки, ровных стен, широких светлых окон. У Коллеги кое-какая работа есть, а для меня наши два кабинета — Большой кардиологический и Малый — это телефонные разговоры и писание челобитных.

Поступает пожилая женщина с приступом аритмии неопределенной давности, не меньше недели. Надо залезть ей датчиком в пищевод, посмотреть, нет ли в сердце тромбов, дать наркоз, стукнуть током — восстановить сердечный ритм. Все это за последний год мы проделывали десятки раз и с большой охотой. А сегодня — как работать, когда новая главврачиха будет рада любой неудаче? Хорошо бы ритм восстановился сам, пока мы возимся с аппаратом, — и тут — раз, это случается — синусовый ритм. «Видите, до Кого-то удалось достучаться». — «Не кощунствуйте», — просит Коллега. Да, виноват. Мы очень устали — не самая большая цена за самостоятельность, но это почти все, что мы готовы заплатить.

Мы выходим из больницы и вдруг отмечаем, что в униженном состоянии лучше вписываемся в пейзаж, и уровень страха меньше. Да и куда ехать? В Ту-

таев, в Киржач, в Болдино? Всюду, конечно же, то же самое. Понятно, почему у нас такая дрянная жизнь и такая хорошая литература.

Ну, ничего, ничего, все будет, кое-кому мы нужны: это город не только чиновников, но и опрятных старушек, их внушек и внуков, город Рихтера, Заболотского, моего прадеда М. М. Мелентьева, толстой мнительной тетки из хозяйственного магазина, симпатичной учительницы с непонятной штукой на аортальном клапане, город художников, тихого верующего алкаша с кардиомиопатией, город отца Ильи Шмаина, город Цветаевой.

III

Так и должно было случиться: вдруг (19 марта) начался страшный сквозняк — комиссия в больницу — десять человек, и тут же — пятнадцать ревизоров в администрацию. Сквозняк сдул со своих мест и Городничего, и даже бедного Председателя. И как бы между прочим явился Некто и зачитал приказ: «Восстановить Главврача». Пустоту снова загнали в межклеточные промежутки. Она, увы, еще отомстит, но Первая мировая для нас закончена. Il faut travailler — надо работать.

В последнем слове перед районными депутатами — оно напечатано в местной газетке — Городничий сказал: *Чужие люди пришли в наш дом и разрушили его...* Что за дом такой? К нашему приходу в нем и дефибриллятора не было. Здесь мог бы быть дом... «По газону не ходить!» — но газона-то нет, вытоптанная площадка, да и росло ли на ней что-нибудь?

Пустота занялась изящной словесностью. Большая анонимная статья «Отработка геноцида в масштабах района». Начинается трогательно: *Нас, русских людей, всегда упрекали в том, что мы ради благополучия других народов не щадим живота своего. Таково природное свойство души русского человека, заложенное в нас древними традициями и христианской любовью...* Вскоре — little wonder — пассаж об инородцах: *Хитроустроенные пришельцы приноровились использовать радушие русского народа для достижения своих низменных и корыстных целей* — вот главная тема.

Наконец-то. Каково быть евреем в России? — спрашивает меня тетенька из международной еврейской организации, у них одно на уме. Отвечаю: трудно, но законно.

В своих алчных интересах инородцы ловко используют силы и средства государства, созданного тысячелетними усилиями русского народа. В таком духе — колонка. Дальше — еще три про больницу, с цифрами, датами приказов, входящими и исходящими номерами, детальная разработка, небесхитростное вранье. Все перемешано, как авторы в шкафу у Конфидентки. Теплые слова о Городничем («внук ветеранов, сын солдата») и — модуляция в далекую тональность — об А. П. Чехове, раздел «Почему ослепла прокуратура», немножко про нас с Коллегой («кардиоинвесторы», «горе-кардиологи») и кода — про Значительное лицо, про то, что им движет: *Сила антинародная, антирусская, а власть, ее направляющая, — масонская.*

«Темные они», — говорят мне добрые люди. Я бы сказал иначе — плохие. Оттого и темные, что плохие, не наоборот. Хам на автомобиле выполняет опасный трюк: внезапно наезжает сзади и светит фарами — посторонись! Он тоже темный? «Ты умнее, плюнь...» Ладно, тьфу. А про то, что умнее: если коэффици-

ент интеллекта выше, значит ли, что умнее? Третий Рим куда ближе ко второму, чем к первому, — тут важен не интеллект. И, боюсь подумать: что если именно эта неуступчивость (не из злой воли — из стремления к цельности), бесконечная готовность к жертве собой и другими, вера в слова победили и поляков, и французов, и немцев?.. Надо, чтобы все как-то притихло, надо много работать, надо жить вместе. Будем считать случившееся — инициацией.

«Никогда уже наша жизнь не будет прежней, — говорю я Коллеге. — Мы не пойдем в чебуречную — там сами знаете кто. Ничего, можно пельменей поесть. Мы, конечно, не уедем, но дом надо застраховать, дома горят. Бумагу ведь подделали, какие еще у них шалости припасены? В эту аптеку не ходите, просто не ходите и все. Муниципальная закрыта? Ладно, завтра, да в ней и дешевле (вообще-то — одно и то же). Ставить дом на охрану, построить забор. Гулять вдоль Оки незачем, а если приспичит, съездим в Дракино, другая область — всего пятнадцать километров, там тоже красиво и никого не встретишь. Да и зачем нам гулять? — можно окна открыть, воздух всюду хороший. Что мы, в самом деле, — дачники? Мы не дачники. Мы стали своими. Теперь мы свои».

март 2008 г.